Двое мужчин неспешно шли по площади Святой Анны к таверне, где подавали лучшее в Севилье вино.

Тот, кто шествовал посередине улицы и возвышался над своим спутником, нахлобучил с показной небрежностью эсихскую[1] широкополую шляпу, украшенную кисточками со стеклянными бусами и лентой — черной, как его грехи. Левой рукой он придерживал бирюзовый плащ, демонстрируя подкладку из мериносовой шерсти с серебряными нитями. Белые, с турецкими пуговицами, сапоги; бричес[2], алеющие из-под плаща; темные вьющиеся волосы и сверкающие, словно раскаленные угли, глаза и, что важнее всего, решительный вид мужчины в расцвете сил, способного свалить с ног коня и вымотать на корриде быка.

Он на ходу спорил со спутником, который выглядел неприметно, однако двигался на удивление изящно. На нем были низкие сапоги, чулки, светло-голубые бричес; камзол цвета тростника; светло-зеленый пояс; аксельбанты; украшенный лентами и рядами пуговиц камзол кармелитового цвета. Широкий плащ, надвинутая на уши шляпа, семенящая походка, необычайная ловкость во всем теле — на арене, с алым плащом в руках, он мог бы издеваться над самыми яростными быками Харамы или Утреры[3].

Я, всегда восхищающийся такого рода людьми и готовый за них жизнь отдать (они, впрочем, не отвечали взаимностью), неторопливо шел за ними и, не в силах сдержать любопытство, завернул в ту же таверну. Точнее, закусочную, поскольку подают там и вино и закуски, а я, как наверняка знают мои читатели, предпочитаю называть вещи своими именами. Там я уселся за столик и стал наблюдать, как эти двое, будто позабыв, что они в таверне не одни, дружески обнялись и начали словоизлияния.

---

[1] Эсиха — город в Испании (здесь и далее — прим. переводчика).

[2] Штаны в виде двух шаров, набитые паклей.

[3] Харама, Утрера — муниципалитеты в Испании.

— Палпете, — обратился высокий к спутнику, — раз уж мы готовы к ножевому бою, сначала осушим по кружке за искусство и споем.

— Сеньор Балбея, — ответил Палпете, отворачиваясь и сплевывая с потрясающей точностью на пол у самого сапога, — я не из тех, кого могут смутить или раздосадовать какие-то неприятности — будь то стальное жало в моем теле, перерезанное горло или любой другой пустяк, — когда я с таким другом, как вы. Выпьем и споем, а после будет кровь — кровь до конца.

Принесли их заказ. Они чокнулись и, глядя друг на друга, исполнили севильскую песню. После чего изящно сбросили плащи и обнажили ножи — фламандский с белой рукоятью и гуадикский[1]. Засверкали клинки — столь отточенные, что могли бы резать капли дождя, не говоря о человеческой плоти. Противники намотали плащи на левую руку и несколько раз рубанули воздух смертоносным оружием. Затем начали сближаться, разошлись в стороны и вновь сошлись — уже более решительно, когда Палпете воздел руку с плащом, словно белый флаг, и заговорил:

— Мой друг, молю лишь об одном: сделайте одолжение и не бейте клинком в лицо, ибо меня может не узнать родная мать. Я не хотел бы стать уродом — негоже портить и уничтожать то, что сотворил Всевышний по своему подобию.

— Согласен, — ответил его противник. — Я буду метить ниже.

— Вот только... только не в живот: я не хотел бы выставить себя в неприглядном виде, если ваш нож пройдется по моим кишкам.

— Я ударю повыше... Впрочем, продолжим.

— Будьте осторожны с моей грудью, она хрупкая...

— В таком случае, друг мой, в какое же место я могу бить?

— Дорогой Балбея, на человеческом теле всегда найдется, куда. На моей левой руке есть жировая шишка, которую вы можете резать сколько душе угодно.

— Начнем, — ответил соперник и устремился вперед, как выпущенная из лука стрела.

Палпете прикрылся плащом, после чего оба принялись вырезать ножами в воздухе, словно опытные каллиграфы, «S» и прочие буквы, при этом и близко не касаясь друг друга.

Неизвестно, чем бы все закончилось. Мой почтенный возраст и состояние здоровья не позволяли вмешаться в дуэль. Что касается владельца таверны, его столь мало волновало происходящее, что единственное, что он сделал, — заиграл на гитаре, дабы заглушить топот ног противников и дребезжание посуды на столах. Он был спокоен, как если бы услаждал музыкой поющих ангелов, а не дерущихся дьяволов.

Я, повторю, понятия не имел, как бы завершилась эта сцена, когда порог переступило божественное провидение во плоти. В таверну вошла молодая женщина лет двадцати — двадцати пяти, миниатюрная, держащаяся с грациозной смелостью. На ней была черная юбка с оборками, туго затянутый корсет, ниспадающая на плечо и завязанная сзади на шее мантилья[2] из тафты[3] с бахромой. Она прошла мимо меня, покачивая бедрами, уперев руки в бока и оглядываясь по сторонам.

При виде ее хозяин таверны выронил музыкальный инструмент, а я ощутил такое волнение, какого не испытывал уже лет тридцать, но она, не удостаивая вниманием актеров третьего плана, прошествовала прямо на поле боя.

Там царила оживленная суета: дон Палпете и дон Балбея, завидев донью Горью — причину их поединка и будущий приз победителю, — принялись с десятикратным усердием выделывать ножами финты, росчерки, курбеты, выпады, наскоки, при этом не повредив ни волоска на теле друг друга. Наша Елена Прекрасная молча смотрела на них: подобные дуэли на протяжении истории человечества не раз радовали глаз дочерей Евы. Однако постепенно ее симпатичные бровки начали хмуриться. Из-за ушка она вытащила не цветок, а сигарный окурок и бросила между дуэлянтами. Даже появление Карла V на последнем в Испании публичном поединке не произвело такого эффекта. Доны немедля приблизились к ней, выказывая все должные знаки почтения; каждый старался показать себя с лучшей стороны. Она, как будто глубоко задумавшись, смотрела на пикировку и внезапно произнесла:

— И это все из-за меня?

— Из-за кого же еще? Поскольку я... Поскольку никто иной... — ответили оба одновременно.

— Послушайте, доны. Такие женщины, как я — дочь Ла Гатузы, племянница Ла Мендеза и внучка Ла Астрозы, — прекрасно знают, что все эти соперничества, ссоры и прочие пустяки не стоят и реала. И когда мужчины бросают друг другу вызов, берутся за ножи и проливают кровь, дочь моей матери не может смотреть на них без насмешки. Если вы полагаете, что бьетесь за меня, знайте: вы глубоко заблуждаетесь. Я не люблю никого из вас. Мне по душе Мингаларьез из Сафр, и мы с ним

[1] Гуадикс — город в Испании.

[2] Шелковый шарф, которым женщины прикрывают волосы и плечи.

[3] Плотная тонкая ткань из туго скрученных нитей шелка или хлопка.

осуждаем вас и презираем. Прощайте, мои храбрецы! Если хотите, можете бросить вызов моему мужчине.

Закончив, она сплюнула, вытерла плевок носом туфли, посмотрела Палпете и Балбее в глаза и вышла так же энергично, как и вошла.

Дуэлянты проводили донью Горью взглядами, протерли лезвия ножей, как будто вытирая воображаемую кровь, одновременно вложили их в ножны и дружно сказали:

— Мир был разрушен по вине женщины. Испания была разрушена по вине женщины. Но никто никогда не слышал ни в балладах, ни в песнях, чтобы двое доблестных мужчин убили друг друга из-за женщины, влюбленной в третьего.

— Обменяемся же рукопожатиями, дон Палпете.

— Вашу руку, дон Балбея.

И они вышли на улицу — снова лучшие на свете друзья, оставив меня удивляться такому повороту событий.

Перевод Евгения Никитина